

DOI 10.31029/vestdnc99/11

УДК 95(47)

**ПРОЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ
ПО ЗАВОЕВАНИЮ КАВКАЗА.
ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX в.**

М. И. Абдулаева, ORCID: 0000-0003-0169-3848

Э. М. Далгат, ORCID: 0000-0003-2923-564X

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
Федерального исследовательского центра РАН

**PROJECTS OF THE RUSSIAN MILITARY ELITE
ON THE CONQUEST OF THE CAUCASUS.
THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY**

M. I. Abdulaeva, ORCID: 0000-0003-0169-3848

E. M. Dalgat, ORCID: 0000-0003-2923-564X

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

Аннотация. В статье предпринята попытка изучить и проанализировать проекты российской военной элиты по «умиротворению» Северо-Восточного Кавказа с целью окончательного присоединения и последующего «обустройства». Цель исследования – показать эволюцию российской военно-политической мысли на Кавказе через личный фактор. Методологической основой исследования послужил сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить общее и особенное в предмете исследования. Поскольку интеграция Северо-Восточного Кавказа в российское имперское пространство проходила в условиях военной конфронтации, большой интерес представляют проекты высшего военного руководства России в лице кавказских наместников. Рассмотренные в статье планы завоевания Кавказа А.П. Ермолова, И.Ф. Паскевича и А.А. Вельяминова являются ярким образцом имперской идеологии и практики. Компаративный анализ показывает, что формы и методы завоевательной политики указанных представителей высшей элиты России не отличались большим разнообразием и во главу угла их проектов был поставлен силовой компонент. Многие идеи последующие военачальники заимствовали у своих предшественников, такие как ограничение продажи соли, экономическая блокада и др. Несомненно, А.П. Ермолов, И.Ф. Паскевич, А.А. Вельяминов были крупными фигурами своего времени. Участники многих европейских военных кампаний, они не сразу поняли отличительные особенности горной войны. К тому же в начале XIX в. знания о Кавказе были еще не систематизированы и для русского человека образ жизни и психология горца были малоизвестны. Как показало время, насилие по отношению к горским народам Северо-Восточного Кавказа не всегда себя оправдывало. Это было существенным минусом проектов военной элиты. Нужен был взвешенный поиск иных методов воздействия, правильное сочетание которых должно было привести к интеграции Кавказа и России.

Abstract. The article attempts to study and analyze the projects of the Russian military elite to «pacify» the North-East Caucasus, with the aim of final annexation and subsequent "development". The purpose of the study is to show the evolution of the Russian military policy in the Caucasus through the personal factor. The methodological basis of the study was the comparative-historical method, which allows identifying the general and the specific in the subject of the study. Since the integration of the North-Eastern Caucasus into the Russian imperial space took place in conditions of military confrontation, the projects of the highest military leadership of Russia in the person of the Caucasian governors are of great interest. The plans for the conquest of the Caucasus by A.P. Ermolov, I.F. Paskevich and A.A. Velyaminov, considered in the article, are a striking example of imperial ideology and practice. Comparative analysis shows that the forms and methods of the policy of conquest of the aforementioned representatives of the highest elite of Russia were not very diverse and the power component was at the forefront of their projects. Many ideas were borrowed by subsequent military leaders from their predecessors, such as limiting the sale of salt, economic blockade, and others. Undoubtedly, A.P. Ermolov, I.F. Paskevich, A.A. Velyaminov were major figures of the time. Participants in many European military campaigns, they did not immediately understand the distinctive features of mountain warfare. In addition, at the beginning of the XIX century, knowledge of the Caucasus was not yet systematized, and the lifestyle and psychology of a mountaineer were little known to Russians. As time has shown, violence against the mountain peoples of the North-Eastern Caucasus did not always justify itself. This was a significant disadvantage of the military elite's projects. A balanced search for other methods of influence was needed, the correct combination of which should have led to the integration of the Caucasus and Russia.

Ключевые слова: Российская военная элита, проекты, А.П. Ермолов, И.Ф. Паскевич, А.А. Вельяминов.

Keywords: Russian military elite, projects, A.P. Ermolov, I.F. Paskevich, A.A. Velyaminov.

Исследовательский интерес к различным аспектам истории Кавказской войны обусловлен сложными социально-политическими процессами, происходящими в современном российском обществе. Победа России в этой войне завершила длительный этап присоединения региона к империи. На наш взгляд, сложности, возникшие при его покорении, были связаны с тем, что изначально у верховной российской власти и генералитета не было четкого плана завоевания Кавказа, опирающегося на достоверные сведения о регионе, хотя интерес к нему возник значительно раньше.

Еще в XVIII в. правительство России поставило задачу изучить природные богатства Кавказа. С этой целью был инициирован сбор сведений об экономических ресурсах, истории, этнографии и численности народов, населяющих Кавказ, социальной структуре населения и об их взаимоотношениях друг с другом. Особый интерес вызывала феодальная верхушка и ее политические пристрастия.

Проводились финансовые, статистические, камеральные описания, которые могли пролить свет на податные сборы и т.д.

Научные исследования производила Российская Академия наук в области лингвистики, ботаники, географии, зоологии, минералогии и других наук. Многие экспедиции помимо основной научной цели занимались сбором сведений разведывательного характера.

В связи с начавшейся Кавказской войной большое внимание придавалось топографическим съемкам местности. Уже в 20–30-е гг. появились работы, авторами которых были офицеры Кавказского отдельного корпуса по военной топографии. Предметом их исследований был преимущественно Горный Дагестан и Чечня.

В 1820 г. коллежский советник А.Ф. Ребров составил описание чеченцев, осетин и других народов Северного Кавказа, а в 1831 г. офицеры М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг составили «Описание Кавказа в географическом, историческом и военном отношении».

В 1835 г. состоялась экспедиция военного топографа Ф.И. Гене, который произвел топографическую съемку местности в Дагестане. В своей работе «Сведения о горном Дагестане 1835–1836 гг.» Ф.И. Гене дает не только описание хребтов, рек, климата и т.п., но и приводит некоторые сведения, касающиеся менталитета горцев и их отношения к новым политическим реалиям.

Следует отметить и деятельность военного разведчика немецкого происхождения барона Ф.Ф. Торнау, который попутно собирал материалы по этнографии кавказских народов в первой трети XIX в.

Все эти разносторонние сведения (и многие другие) не только позволяли имперским властям лучше узнать Кавказ и его обитателей с научной точки зрения, но и содержали сугубо практическую информацию, представлявшую ценность на случай ведения военных действий.

С началом XIX в. российская политика на Кавказе активизируется. Присоединение Грузинских царств и части Закавказья поставили на повестку дня перед растущей Российской империей вопросы безопасного взаимодействия и налаживания надежных коммуникаций со вновь присоединенными территориями. Единственная дорога, проходившая через земли, населенные горскими народами, не отвечала этим требованиям, поскольку риск нападения со стороны горцев был достаточно высок.

Ряд современных исследователей отмечают, что у российского руководства не было конкретного, тщательно разработанного плана ведения военных действий на Северном Кавказе с целью его завоевания.

Как подчеркивает В.В. Лапин, «до 1810-х гг. Россия не планировала установление своего контроля над горными территориями Адыгеи, Осетии, Чечни и Дагестана». Стратегия этого времени, по мнению автора, заключалась в соперничестве с Персией и Турцией, а также в строительстве оборонительных линий и обеспечении безопасности торговли [1, с. 9].

Весь последующий опыт взаимоотношений России с горскими народами Северо-Восточного Кавказа показал слабую эффективность данной политики и привел власть к решению «добиваться с помощью насилия безоговорочного подчинения туземцев и принятия ими правил жизни и общественного устройства, соответствующих видам правительства» [1, с. 9].

Однако именно эти действия вызывали недовольство горских народов и в конечном счете привели к эскалации конфликта. Большую роль в этом сыграл личностный фактор, связанный с именем генерала А.П. Ермолова.

С 1816 г. император Александр I назначил А.П. Ермолова (участника Отечественной войны 1812 г.) командующим Офельным Грузинским (с 1820 г. Кавказским) корпусом, одновременно чрезвычайным посланцем в Иран, а также управляющим гражданской частью в Грузии, Кавказской и Астраханской губерний. В начале 1820 г. в ведении А.П. Ермолова оказалось Черноморское казачье войско. С подачи Великого князя Константина Павловича его называли «проконсулом» Кавказа. Главным способом «умиротворения» края А.П. Ермолов считал военное покорение его населения. Зачастую он лично возглавлял карательные экспедиции и жестоко расправлялся с целыми обществами, введя принцип круговой поруки. Как писал о нем С. Эсадзе, «попирая древние установления, сроднившиеся с чувствами и верой народа, поставил себе за правило уничтожать в крае всякую нерусскую национальность» [2, с. 35].

План А.П. Ермолова заключался в постоянном, неуклонном наступлении в горы, принуждая горцев к подчинению, с последующей целью введения имперской системы управления. Период управления Ермолова в дореволюционной историографии называли «началом систематической войны против горцев».

Ознакомившись по прибытии к месту службы с делами на Кавказской линии, Ермолов доложил Александру I о слабых местах обороны и о своем видении решения проблем. Первым делом, по мнению генерала, необходимо было перенести Кавказскую линию с Терека на Сунжу, для чего надо выселить чеченцев – «народ дерзкий и опасный».

Во Всеподданнейшем рапорте на имя императора в ноябре 1817 г. Ермолов пишет, что смирить чеченцев необходимо, но меры должны быть другие: не покорять их оружием, но отнять средства к набегам и хищничествам. Во-вторых, занять р. Сунжу и по ее течению устроить крепость, тогда горцы будут лишены земли, удобной для возделывания и пастбищ. В-третьих, продолжить линию крепостей через Аксай и Эндери до р. Сулак, что позволит закрыть от набегов Кизляр [3, с. 498].

Строительство крепостей было одним из важных пунктов плана Ермолова по «умиротворению» Кавказа, так как без надежных плацдармов было невозможно достичь цели.

Как отмечал В. Потто, с построением крепости Внезапной направление передовой линии определилось точно. Для большего прикрытия нижнего Терека Ермолов заложил на Кумыкской плоскости еще два небольших укрепления – Неотступный стан, обеспечив путь к Кизляру и Герзелъаул, у самого Аксая, на пути сообщения с Грозной. Затем были построены еще несколько укреплений, образовавших крепкую Сунженскую линию [4, с. 90].

Особенное значение Ермолов придавал вырубке векового леса в Чечне и созданию широких просек, позволявших войскам беспрепятственно продвигаться в самую глубь Чечни. Открытая местность затрудняла горцам осуществлять набеги.

В 1820 г. в одном из писем своему другу А.А. Закревскому Ермолов отмечает, что «уже осталось не много мест в земле чеченской, куда бы не было удобной, проходимой дороги» [5, с. 16].

В этом же письме «проконсул» Кавказа говорит о мерах стеснения горцев. «Главнейшие есть голод и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать землю и пасти стада свои» [5, с. 16].

Еще одним пунктом плана А.П. Ермолова было расселение казаков, чтобы оградить линию от нападений чеченцев. Так, в рапорте Александру I «О мерах покорения горцев Северного Кавказа» от 20 мая 1818 г. Ермолов предлагает занять земли, лежащие по правую сторону Терека, Моздокским и Гребенским казачьими полками [6, с. 23–24]. В дальнейшем возникла идея создания военных поселений, которые укреплялись крестьянами-переселенцами.

В Дагестане также шло строительство укреплений, размещались войска, непокорные горцы брались в военно-экономическую блокаду. Последнему придавалось большое значение. Как докладывал Ермолов императору, «...через владения шамхала Тарковского овладеем мы соляными богатыми озерами, довольствующими все вообще горские народы и чеченцев не исключая» [6, с. 25].

Следующим шагом стало ограничение прав владельческой знати. По этому поводу Ермолов пишет в рапорте «О необходимости уничтожения ханской власти в провинциях» [7, прил. с. 37].

Заложение новых крепостей в 1818–1820 гг., и в особенности крепости Грозной, вырубка векового леса в Чечне, создание просек, перенос Кавказской военной линии с Терека на Сунжу, походы в глубь

Чечни и Дагестана, подрыв влияния духовенства – все вместе взятое характеризует изменения в политической линии российского военного руководства.

«Начался переход от косвенного управления – через местных князей и феодалов – к установлению прямого правления» [4, с. 54].

А.П. Ермолову удалось убедить Александра I временно запретить паломничество мусульман в Мекку, откуда они, по его мнению, «не только привозят нелепые слухи», но и становятся свидетелями «злодейских поступков турок против христиан» [5, с. 130]. Такое посягательство на отправление религиозного культа не могло не вызвать возмущение не только со стороны духовенства, но и всех мусульман Северного Кавказа.

В 1817–1825 гг. в различных уголках Северо-Восточного Кавказа прокатились выступления недовольных централизаторской политикой А.П. Ермолова, которые, впрочем, были легко подавлены.

План А.П. Ермолова по «умиротворению» Кавказа получил одобрение Александра I, который рекомендовал «покорять горские народы постепенно, но настоятельно, занимать лишь то, что за собой удержать можно». Император Александр I, имевший репутацию пацифиста и либерала, закрывал глаза на жестокие методы колонизации своего любимца, хотя в официальных документах выступал именно за мирное разрешение конфликтов. Так, в Рескрипте на имя А.П. Ермолова от 15 февраля 1824 г. император, одобряя действия генерала по восстановлению спокойствия в Дагестане, выражает благодарность последнему за «благоразумные меры кротости», предпринятые им. «Они совершенно соответствуют намерениям моим, почитая жителей Дагестана вместе с обитателями части Российской империи, я всегда с крайним сожалением принимал известия о употреблении силы оружия ... тем более остаюсь довольным настоящим укрощением без всякого кровопролития» [8, с. 369–370].

Вместе с тем непоследовательность Александра I в проведении кавказской политики давала широкие полномочия наместникам. Формы и методы этой политики целиком зависели от характера и личных качеств наместника [10, с. 84].

Кавказские наместники в период ведения военных действий обладали практически неограниченными возможностями. Несмотря на осуществление большей части задуманного, А.П. Ермолову не удалось «замирить» Кавказ. Более успешной была хозяйственно-экономическая деятельность и административно-судебные преобразования, позволившие сблизить Кавказ с Россией [11, с. 69–75, с. 87–93].

В числе заслуг А.П. Ермолова стоит упомянуть ограничение прав наследственных правителей Дагестана и попытки централизации власти. Также, несомненно, положительной стороной его деятельности стало запрещение работорговли на Кавказе. Однако превалирование жестоких и карательных мер, грубое и неуважительное отношение к местному населению, игнорирование местной специфики и традиций привело к противоположным результатам.

В Петербурге так и не дождались долгожданной победы над горцами. Более того, опытный генерал «прозевал» вторжение на Кавказ персидской армии во главе с Аббас-Мирзой и не разглядел зарождающееся народно-освободительное движение горцев, во многом ставшего ответом на его действия.

В 1827 г. А.П. Ермолова сменил генерал-адъютант И.Ф. Паскевич, которому благоволил новый император Николай I.

Успехи И.Ф. Паскевича на внешнеполитическом фронте были неоспоримы. Ему удалось не только отеснить персов, но и заставить их выплатить большую контрибуцию, после чего Николай I напутствовал генерала, рассчитывая на победоносное завершение Кавказской войны. «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо более важнейшее, – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [6, с. 58].

В этом же письме Николая I фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу содержится четкое пожелание представить «план ваш, которому следуя надеетесь исполнить мои пожелания». Император рекомендует сконцентрировать войска и нанести решительный и четкий удар. «Прочее решить предоставляю вам» [6, с. 59].

Николай I ожидал, что Паскевич в самое короткое время начнет военные действия против горцев, чтобы привести в исполнение свой план. Однако генерал усомнился в выполнении поставленной зада-

чи за короткий период, ссылаясь на воинственный характер горцев и гористую местность, «удобную к упорнейшей обороне, и прочие войны сей обстоятельства» [9, с. 133].

6 мая 1830 г. Паскевич изложил два плана покорения горцев в рапорте императору. Фельдмаршал приходит к интересному умозаключению: «Чем больше делаю я наблюдений и вхожу в познание сих народов, тем более удостоверяюсь, что направление политики и отношения наших к ним были ошибочны и не имели ни общего плана, ни постоянных правил. Жестокость, в частности, умножала ненависть и возбуждала к мщению; недостаток твердости и нерешительность в общем плане обнаруживали слабость и недостаток силы» [8, с. 383].

Согласно второму плану Паскевича войска должны были занять выгоднейшие пункты, сделать в них укрепления для защиты гарнизона, устроить безопасные коммуникации для войск, подаваясь вперед, и покорять одну область после другой.

По плану Паскевича предстояло совершить 6 экспедиций против различных народов (койсубулинцев, дагестанцев, тагаурцев, осетин, грузин, абхазцев и чеченцев). Причем против чеченцев только после прибытия на линию 20-й пехотной дивизии.

С учетом строительства многочисленных укреплений, оснащенных надежными гарнизонами, Паскевич делает вывод, что данный план «в одно лето никакими усилиями при настоящих средствах не может быть выполнен» [8, с. 385].

Надо подчеркнуть, что фельдмаршал Паскевич в своей деятельности на Кавказе полагался не только на военные методы, но и на мирные. Прежде чем приступить к выполнению своего плана, он открыто заявляет, что намерен сделать общее воззвание к горским народам.

По мнению некоторых исследователей, И.Ф. Паскевич «считал, что для установления прочной и долговременной российской власти на Кавказе необходимо использовать мирные средства, прежде всего – распространять образование и просвещение» [10, с. 86]. Также подмечено, что за время его наместничества не совершались крупные военные экспедиции против горцев [10, с. 86].

И.Ф. Паскевичу удалось в результате экспедиции утвердить русское господство над Джаро-Белоканами, построить здесь крепость. 1 июля 1830 г. он выехал на Западный Кавказ, чтобы приступить к реализации плана по его покорению, однако достичь этой цели ему не удалось. В конце 1830 г. фельдмаршал начал предпринимать меры к подавлению чеченского восстания. Вскоре он заболел и подал рапорт императору о переводе его в другой регион по состоянию здоровья. Вместо него был назначен барон Розен.

Несомненный интерес в связи с проектами покорения Кавказа военной элиты Российской империи представляют критические замечания командующего войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова на письмо Главнокомандующего действующей армии П.Ф. Паскевича к военному министру от 27 июля 1832 г. № 67.

Генерал А.А. Вельяминов был назначен Александром I по просьбе А.П. Ермолова начальником его штаба [13, с. 96]. Будучи одним из сподвижников А.П. Ермолова, он не испытывал большой симпатии к И.Ф. Паскевичу и критически относился к его проекту покорения Кавказа.

Любопытную характеристику А.А. Вельяминову дает генерал Г.И. Филипсон в своих воспоминаниях: «Я думаю, не было и нет другого, кто бы так хорошо знал Кавказ, как А.А. Вельяминов; я говорю Кавказ, чтобы одним словом выразить и местность, и племена, и главные лица с их отношениями и, наконец, род войны, которая возможна в этом крае. Громадная память помогала Вельяминову удерживать множество имен и фактов, а методический ум давал возможность одинаково осветить всю эту крайне разнообразную картину» [14, с. 185].

В своих пространственных комментариях к письму И.Ф. Паскевича к военному министру Чернышеву Вельяминов в первую очередь подчеркивает, что фельдмаршал ведет речь не о покорении кавказских горцев, а «об охранении Кавказской линии от набегов, грабежей и смертоубийств» [15, с. 62].

Генерал А.А. Вельяминов делает сравнительный анализ образа жизни горцев и казаков, резюмируя, что горцы-всадники во многом превосходят казаков.

Горская конница имеет преимущества даже перед регулярной кавалерией. Главный вред Кавказской линии причиняют набеги – внезапные нападения горцев. Цель набега – добыча. Вельяминов предлагает создать такие условия, при которых горцы с трудом доставали лошадей. Для этого предполагается раз-

местить казачьи станицы в местах между реками Кубань и Лаба, по правой стороне Малки, по берегам Сунжи и Ассы, где много пастбищ. При помощи кавказских линейных казаков необходимо вытеснить чеченцев с плоскостей, истребляя посевы и жилища.

Вельяминов делает вывод, что оборонительное положение является обычно следствием недостатка в силах, и предлагает свой план выхода из этого положения.

Во-первых, необходимо увеличить количество войск на Кавказской линии с тем, чтобы была возможность в короткое время соединить их с имеющимися войсками в случае необходимости.

Во-вторых, покорить и обезоружить горцев.

Для покорения «нужны значительные средства, соразмерные с важностью сего предприятия [15, с. 63–64].

Кроме увеличения численности войск, А.А. Вельяминов посчитал, что помимо обычной суммы понадобится еще 14 млн рублей, чтобы покорить горцев Кавказа. При таком раскладе сил и средств генерал планировал завершить «умиротворение» региона в течение 6 лет. Однако император отверг проект А.А. Вельяминова. Денежных средств на ведение военных действий всегда не хватало, к тому же Николай I стремился поскорее вернуть 14-ю и 20-ю дивизии к западным границам.

В своих мемуарах А.А. Вельяминов настаивал на необходимости силового подчинения горцев. Их враждебность по отношению к России он объяснял незнанием ее масштабов и мощи, а также своими мимолетными успехами в набегах. «Вооруженные силы – это основное средство, с помощью которого можно обуздать этих людей» [13, с. 97–98].

Известно сравнение А.А. Вельяминовым Кавказа с мощной крепостью с многочисленным гарнизоном, для овладения которой мудрый командир должен разработать план действий, а не пытаться взять ее с наскоку.

Преждевременная смерть помешала генералу осуществить все свои планы.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что А.П. Ермолов, И.Ф. Паскевич и А.А. Вельяминов, несомненно, были крупными военачальниками своего времени и участниками многих военных кампаний. Однако опыт ведения «европейской» войны существенно отличался от горной войны, и они не сразу это поняли.

Военное руководство на Кавказе зачастую кроме своих непосредственных обязанностей занималось выполнением дипломатических миссий (А.П. Ермолов был назначен Александром I в качестве посла в Персии), принимало активное участие в происходивших в первой трети XIX в. войнах с восточными державами (Персией и Турцией). Это мешало полностью сконцентрироваться на Кавказе и выработать правильную концепцию.

Как показало время, насилие по отношению к горцам, которое лежало в основе политики российской военной элиты, не всегда себя оправдывало. Нужен был взвешенный поиск иных методов, правильное сочетание которых должно было бы привести к интеграции Кавказа и России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Латин В.В.* «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005. С. 9–29.
2. *Эсадзе С.С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис, 1907. 616 с.
3. Акты Кавказской Археографической Комиссии. Т. 6, ч. 2. Тифлис, 1875. № 873. С. 498–499.
4. *Потто В.* Кавказская война : в 5 т. Т. 2: Ермоловское время. М., 2006. 590 с.
5. *Ермолов А.П.* Письма / предисл. *А. Тахо-Годи.* Махачкала, 1926. 53 с.
6. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в. : сб. документов / сост.: *В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов.* Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1959. 785 с.
7. Записки А.П. Ермолова : с приложениями. Ч. II. 1816–1827 гг. М., 1868. 192 с.
8. Документальная история образования многонационального государства Российского : в 4 кн. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках. М., 1998. 723 с.
9. «Признать удобность запретить на время...» : Царь Александр I и генерал А.П. Ермолов о мусульманском паломничестве / публ. *Д.Ю. Арапова* // Кавказский сборник. 2005. Т. 2(34). С. 130–131.

10. Гапуров Ш.А., Акаев В.Х., Черноус В.В. Кавказская политика России в начале XIX века: император и наместники // Научная мысль Кавказа. 2015. № 2 (82). С. 79–88.

11. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999. 135 с.

12. Муханов З.М. Проект Покровского о покорении Кавказа как характерный документ российской военно-политической мысли начала 1830-х гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. № 4. С. 132–144.

13. Джон Багддели. Завоевание Кавказа русскими 1720–1860. М., 2024. 351 с.

14. [Филипсон Г.И.]. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М.: Университетская типография (М. Катков), 1885. 361 с.

15. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. : сб. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2005. 720 с.

Поступила в редакцию 15.06.2024 г.

Принята к печати 24.12.2024 г.

Абдулаева Мадина Изамутдиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: mady.62@mail.ru

Madina I. Abdulaeva, Candidate of History, senior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Daghestan Federal Research Centre of RAS; e-mail: mady.62@mail.ru

Далгат Эльмира Муртузалиевна, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом новой и новейшей истории Дагестана, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: elmira.dalgat@yandex.ru

Elmira M. Dalgat, Doctor of History, professor, head of the Department of New and Newest Daghestan history, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS; e-mail: elmira.dalgat@yandex.ru.